

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ПИЛИГРИМ. РЕФОРМАТОР

Константин Георгиевич Калбазов

Пилигрим. Реформатор

Серия «Пилигрим», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66489704

Пилигрим. Реформатор: Фантастический роман / Рис. на переплете

И.Воронина: Альфа-книга; Москва; 2021

ISBN 978-5-9922-3337-7

Аннотация

Единое информационное поле Земли. Как выяснилось, на счастье Михаила, оно существует. В своем мире он всего лишь безнадежный больной. В этом – полон сил, задора и жажды действий. И пусть на дворе всего лишь одиннадцатый век, какое это имеет значение! За сравнительно короткий срок он сумел обзавестись друзьями, подняться от холопа до воеводы, построить город. Этот мир научил его многому, тому, о чем он не имел представления. Но и он готов одарить человечество тем, что знает сам.

Вот только жить наособицу, заручившись поддержкой союзников, не получится. Чужое богатство всегда манит жадных до наживы. Так уж вышло, что его городок Пограничный превратился в желанную добычу. И что теперь? Сидеть и ждать, откуда прилетит горячий привет? Вот уж дудки! Потому как лучший способ обороны – это нападение.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Константин Калбазов

Пилигрим. Реформатор

Глава 1

Речной патруль

– Ох и скучное же лето выдалось, – тяжело вздохнув, произнес Андрей, глядя на левый берег Славутича.

Несмотря на то что в этом месте он был положим, дальше полусотни метров от кромки воды ничего не видно. Необъятная степь сразу же теряется за изломом. Иное дело – наблюдатель в вороньем гнезде на мачте. Вот у кого обзор большой.

Впрочем... На что смотреть-то? На монотонную картину разнотравья, которое уже теряет краски и приобретает желтовато-серые цвета. Такие места. Весной пестрит в глазах от обилия красок, к концу июня уже не за что зацепиться глазу.

А тут еще и жара вкупе с ничегонеделанием. Время от времени полусотник, конечно, устраивает учения. То бой на корабле отрабатывают, то к берегу пристанут, тренируясь десантироваться, и сразу в драку. Потому как речной патруль ежеминутно должен быть готов к неожиданностям.

Случается, и из пушки пальнут. Это самое ненавистное.

Понятно, что пушкарям оттачивать свои навыки тоже нужно. Только после этого приходится разыскивать пущенные ими стрелы. И за каждую ненайденную спрос серьезный. А с чего, если на них даже наконечники не железные, а костяные. Хорошо хоть у них ярко-красное оперение. Но это если трава невысокая.

А случается, так ни с того ни с сего звучит команда «полный ход». И тогда воины занимают места на скамейках да вспенивают воду гребными колесами. При ходе под парусом они, конечно, проворачиваются, но плицы все же создают определенную помеху, да и на маневренности сказывается нелучшим образом. Но как только начинают работать ворота, то никаким веслам с ними не сравниться. А гребут при том всего-то десяток человек.

– Ничего, Андрюха. Тебе этой осенью срок выходит. Вот и пойдешь на вольные хлеба. Как любит говорить воевода, поднимать народное хозяйство, – хохотнул один из воинов.

– Типун тебе на язык, – лениво отмахнулся парень. – Я буду проситься на постоянную службу.

– Так ты же вроде и до призыва был при воеводе. Теперь вот станешь настоящим оруженосцем. Или в его гвардейскую полусотню войдешь.

– И чего я там не видел? Михаил Федорович уж не тот. Он град покидает, только если с визитом каким или случится серьезный поход. А когда такой в последний раз был? Года полтора уж минуло. Не. Не желаю ни в гвардию, ни в ли-

нейный полк.

– Опять станешь проситься в особую сотню?

– Буду. Вот где кровь по жилам можно разогнать. Эти в граде не сживают. Все больше степняков за их воровство наказывают. Не то что мы. Ждем не дождемся, чтобы на реку в патруль выйти. А как выйдем, так и не поймем, где скука крепче, в граде или на реке.

Хандра – это дело такое. Нельзя ей дать завладеть умами бойцов. Случается она от безделья. И средство от нее только одно. Нужно выбить из головы все дурные мысли. А как этого добиться?

– Полусотня, учебная тревога! Вражеское судно прямо по курсу! Дистанция один километр! Приготовиться к бою! Орудие к стрельбе учебным зарядом изготовить!

И тут же палуба взорвалась кипучей деятельностью. Послышались отрывистые команды десятников и командира орудийного расчета. Не обошлось и без едва различимых матерков, утопающих в общей какофонии звуков. Воздух наполнился топотом, глухим бряцанием надеваемого на тело металла, учащенным дыханием.

Не прошло и пары минут, как экипаж боевой колесной ладьи полностью изготовился к бою. Воин, наблюдавший за происходящим из вороньего гнезда, с сочувствием покачал головой. После чего с нарочито серьезным видом вооружился подзорной трубой и начал осматривать окрестности. Вот так вроде бы и не был рад, когда его загнали на верхотуру,

но получилось очень даже вовремя.

К слову, полусотник не больно-то и соврал. Впереди и впрямь виден караван из шести торговых ладей. Он прошел мимо них, когда они устроили дневную стоянку на берегу. Там заметили суету на борту пограничников и сами засуетились. Нормальная реакция, чего уж там.

– Первый, второй десятки – на греблю! Враг пустился в бега! Развить самый полный ход! Настигнуть супостата! – начал раздавать команды полусотник. – Третий десяток – в оборону! Четвертый и пятый – абордаж!

– Твою ж мать, – в сердцах произнес Андрей, перехватывая поудобнее древко короткого легкого копья с тупым наконечником.

И тут же последовала атака. В обороняющихся полетели деревянные молотки, имитирующие боевые топоры. Хлопнули арбалеты, посылая тупоконечные болты. С такого расстояния если прилетит в голову, сразу же оглоушит. И никакой шлем не спасет. Вернее, без него и вовсе череп проломит. Помнится, Андрею попало вскользь и челюсть набок свернуло. Хорошо хоть лекарь сумел вправить.

Дробный перестук метаемого дерева сменился надсадным боевым кличем «ура», и два десятка навалились на один, вставший поперек палубы. Андрей отбил атаку таким же коротким копьем, но ударил не нападавшего, а в наседавшего на стоящего рядом. Бил в полную силу. Потому что если тот не почувствует удара, значит, и в бою его сбережет доспех.

Ничего так получилось, ловко. Наконечник угодил в стык доспеха на боку. Антон хекнул и отвалился в сторону.

Когда ладья нагнала караван, всполошившаяся было охрана купца с интересом наблюдала за тем, как лихо мутузят друг друга воины из Пограничного учебным оружием. Послышались даже подбадривающие крики и улюлюканье. Правда, пробавлялся этим только молодняк. Те, что постарше, взирали на происходящее с уважением, отмечая хорошую выучку и слаженность действий.

Бой вышел, как всегда, скоротечным. Выучка у воинов равная. Численное превосходство одних компенсировалось дракой от обороны других. Абордаж завершился победой нападавших, которая далась им ой как непросто. Большинство воинов разминали ссадины и синяки, потому как прилетало неслабо от всей широкой души. Болезненные всхлипы сопровождались надсадным дыханием.

– Конец учебной тревоги! Разоблачиться! Оправиться! Привести себя в порядок! Пушкари, разряжай орудие! – наконец послышалась команда полусотника.

И тут же ладья ощутимо потеряла в скорости, так как гребные колеса прекратили молотить плицами по воде, придавая ей ход. Теперь они всего лишь плавно проворачивались набегавшим потоком воды, чтобы не особо тормозить движение под парусами.

– Ну что, Греков, не скучно тебе? – окинув Андрея взглядом, поинтересовался командир.

– Никак нет, господин полусотник, – гаркнул в ответ боец.

– Это хорошо, – удовлетворенно кивнул командир и направился на корму под свой полог, полагающийся лицу начальствующему.

Три года назад Большой совет Пограничного рассмотрел предложение воеводы о введении фамилий, от которых поведут свое начало новые роды. Делать это надлежало на основе уже существующих семей или же закрепить в списках воеводства старые.

Так как матушка Андрея вышла замуж за Зосиму, а за ним не имелось рода как такового, то по предложению Романова он стал прозываться Грековым. А за главой – семейство и все его дети с пасынками.

К тому же согласно новому закону помимо фамилии теперь каждый должен был писаться еще и по отчеству. Оно и раньше, конечно, было, но то больше в общении. Бывало, соседи и знать не знали, что сосед их наречен Перваком, а не Богданычем. Прозывать-то друг дружку могли хоть котелками, а вот в записях и в церкви уже непременно крестильным именем или в официальной форме.

– Андрюха, вот оно тебе надо было? – потирая бок, возмутился Антон.

– Да как-то не подумал, – почесав в затылке, произнес Андрей и тут же спохватился: – Тоха, ты-то как? Не сильно я тебя?

– Дышать, слава богу, не больно, значит, ребра целы. Но

ты мог бы и не злобствовать так-то.

– Это чтобы Дорофей Тарасович от себя добавил?

– Угу. Господин полусотник может. Ничего. Мы с тобой еще посчитаемся.

– Заметано, – улыбнувшись в тридцать два зуба, произнес парень.

– Вижу дым! – вдруг послышалось из вороньего гнезда.

– Что за дым? – тут же уточнил командир, вышедший из-под полога.

– Похоже, жильё горит и не одно.

– Боевая тревога! Пятый десяток на греблю! Крейсерская скорость! Пушку к бою изготовить! Иметь в готовности заряд картечи и стрел! Шевелись, братцы.

– Не иначе как в Верхней слободе горит. До них уж недалече, – предположил Антон.

– Хорошо, как просто полыхнул пожар, а не половцы в гости пожаловали, – согласился с ним Андрей.

Только вот чего в его голосе больше – непонятно. С одной стороны, вроде как и не желает, чтобы поселение пострадало от нападения. С другой – присутствует подспудное желание, дабы именно так и случилось. Еще и по телу пробежался зуд нетерпения, окончательно угнездившись меж лопаток и не желая оставлять меня.

Вскоре из-за очередного поворота появилась объятая пламенем Верхняя слобода. Первая перед порогами, откуда либо шел сплав в высокую воду, либо начинался волок. У по-

лыхающих стен видны всадники, сбивающие в колонну полоняников.

– Четвертый и третий десяток сменить на гребле пятый. Самый полный вперед. Еразм, попадете в половцев?

– Так точно, господин полусотник. Только разброс будет большим, можем и в своих попасть, – отозвался командир орудийного расчета.

– То как господь решит. А попадете, может, оно и лучше, чем в неволе-то, – произнес Дорофей Тарасович, который и сам успел хлебнуть неволи полной мерой.

– Слушаюсь. Стрелами заряжай. Прицел двадцать. Целься во всадника на белом коне, что правее полоняников.

– Ага. Вижу, – вращая маховиками, отозвался наводчик. Командир расчета выждал несколько секунд, пока ладья выйдет на рубеж открытия огня. Прикинул и отдал команду. Раздался громкий хлопок, и пучок стрел умчался в сторону вражеских всадников. Обслуга поспешила перезарядить орудие, а Еразм вскинул к глазу подзорную трубу.

Выстрел оказался удачным. В своих не попали. Зато ссадили сразу пятерых всадников. Правда, под троими всего лишь побито лошадей. Но все одно знатно вышло. На такой-то дистанции, при таком разбросе и относительно небольшой плотности противника. Внес поправку в прицел. Опять выждал подходящий момент, и очередной выстрел. И опять не в пустоту.

Эта пальба сыграла злую шутку с сумевшими избежать

полоня. Когда стало ясно, что слободу не удержать, ее жители загнали детей при нескольких бабах в подземный ход, что выходил к поросшему камышом берегу Славутича. Вот там-то они и отсиживались, пока не услышали устроенную пальбу.

Гадать, кто там пожаловал, не приходилось. Это могли быть только пограничники, что гоняли на реке степных разбойников. Вот и побежали бабы на открытое место, увлекая с собой детвору. Да только, на беду, это заметили и половцы, которые тут же бросились за убегающей добычей.

– От дуры бабы! Еразм, отсеки погоню.

– Попробую. Цель – группа скачущих всадников. Прицел десять, упреждение три корпуса лошади. Пали!

– Первый десяток – арбалеты, пятый, второй – луки. К бою! – пока пущенные пушкой стрелы шуршали по направлению к цели, приказал полусотник.

Пушка ударила довольно удачно. Нанесли урон и стрелы с болтами, пущенные дружинниками. Ну и кочевники не остались в долгу, послав своих вестниц смерти. Только били они не в воинов, а в беглецов. Что было более чем необычно.

Не водилось за ними прежде подобной бессмысленной жестокости. Если полон не удавалось увести, его просто бросали. Если беглецов не выходило настигнуть, за ними прекращали гнаться. Но понапрасну кровь никогда не лили. А тут вдруг такое. И ведь попали в двоих. В молодуху и в девочку лет шести.

В ответ дружинники послали стрелы и болты. Повторно хлопнула пушка. И половцы предпочли уйти за излом берега, выходя из-под обстрела и оставив в покое беглецов. Попытались было действовать скрытно из-за складки местности. Но из вороньего гнезда их прекрасно видно. Разве только наблюдателя сменил командир расчета. Прикинул прицел, направление, скомандовал расчету, и стрелы накрыли половцев, пройдясь по крутой траектории. После чего те предпочли ретироваться окончательно.

Порядка трех десятков детей да три молодки. Вот и все, кому удалось сбежать из разграбленной и уничтоженной слободы. Впрочем, не так уж и мало. Ведь могло случиться и куда хуже. Помочь остальным пограничники не могли. Силенки не те. Тут хорошо уже то, что сумели погрузить спасшихся да убраться подобру-поздорову. В пределах видимости не менее трех сотен всадников. И это наверняка не все.

– Слушай сюда, братцы. Сейчас мы отойдем к заставе Немого, чтобы отправить весть в Пограничное о нападении. Но воеводе понадобятся подробности. Так что нужно выяснить, что случилось со Средней и Нижней слободами, – выстояли они или их также спалили. Феодосий, пойдешь вниз через пороги.

– Понял, – ответил бывалый воин.

Спокоен, словно это и не ему предстоит сплавляться через пороги на легкой берестяной лодке. Да еще и при том, что по берегам сжатого русла могут быть кочевники, которые не

упустят случая пустить стрелу. Не любят пограничников в этих краях. Ох, не любят.

– С собой возьмешь четырех добровольцев, – уточнил полусотник.

– Кто со мной? – поинтересовался десятник.

– Я, – тут же отозвался Андрей, пока кто другой не успел влезть в столь увлекательное предприятие.

– И я, – подхватил Антон, товарищ из соседнего десятка.

Но больше желающих не сыскалось. Мало что рискованное предприятие. Так еще и тяжело придется. Туда-то они прокатятся с ветерком. Обратно же, считай, восемьдесят километров своими ножками, да еще и лодку тащить на горбу.

Она, конечно, легкая. Каркас из жердей, оклеенный берестой. Можно нести четверым за ручки с боков или одному, водрузив поперечную перекладину на плечи. Четыре широких весла при добрых гребцах позволяют набирать серьезную скорость даже вверх по течению. Правда, не на порогах.

– Ты и ты, – ткнув в двух бойцов, поставил точку в вопросе демократии полусотник.

– Антоха, лук не бери. Чай, не скопом бить. Прихвати арбалет, – распорядился десятник.

– Слушаюсь, – покраснев, отозвался парень.

Формируя линейный полк, Романов исходил из того, что бойцы должны по максимуму использовать дальнобойное оружие. И основная ставка делалась на короткий лук кочевников. Изделие достаточно сложное, не отнять, зато легкое

и относительно компактное.

Стать хорошим лучником – задача непростая. Но если нужно послать тучу стрел, чтобы накрыть определенную площадь, в особых умениях надобности нет. Зато это реальный шанс если не сбить атакующий порыв той же конницы, то как минимум нанести кое-какие потери еще до соприкосновения с противником.

Кроме того, в каждой полусотне первый десяток неизменно вооружен арбалетами. Они должны поддерживать товарищей точной стрельбой. Тактический прием, привнесенный воеводой и уже неоднократно показавший свою эффективность. К тому же на каждой боевой ладье имелся арсенал, в котором находился дополнительный десяток арбалетов.

– Вот что, сынки, снимайте доспехи. Мечи за спину. На поясах только ножи и кошель с принадлежностями. Все остальное увязать в тюки и на дно лодки.

– А если половцы случатся на берегу? – усомнился Андрей.

– Значит, будем крутиться как детский волчок. Да быстрое течение нам в помощь. А вот если наша лодочка где зацепится за каменюку, тут-то ей и конец. А в железе не выплыть никому.

– Так крепкая вроде лодка, – поддержал друга Антон, которому не хотелось оставаться без защиты.

– Крепкая она на волне, а не против камня или топляка. И я ваше мнение не спрашивал. Долой броню, кому сказано.

Все. Больше прекословить ни у кого желания не возникло. А то ведь и по уху огрести можно. У Феодосия Дмитриевича это мигом.

Управившись с имуществом, налегли на весла. Лодка споро вышла на стремнину и благодаря четырем гребцам набрала быстрый ход. На берегу все еще кружили половцы. Но пускать в лодку стрелы не стали. Пограничники держались правого берега, и для лука это слишком далеко. Пустить стрелу еще получится, а вот попасть уже дудки. Только наудачу. А такое позволить могли себе только богатые русичи, обосновавшиеся при впадении Псёла в Славутич.

Вскоре пожарище осталось позади, а течение реки усилилось. В воздухе повис рокот воды, прорывающейся сквозь теснины порогов. Бойцы перестали грести, ускоряя бег лодки, и сосредоточились на маневрировании, четко выполняя команды десятника, сидевшего у руля.

На первом же перекате им пришлось еще и против течения выгребать, причем делать это на пределе сил. Стремясь держаться как можно дальше от левого берега, они слишком отделились от основной стремнины. Теперь их несло на гранитные клыки, чего они всеми силами старались избежать.

А тут еще и десяток половецких всадников с заводными лошадьми, двинувшихся параллельно лодке. Стоят на берегу и поджидают, либо река заберет пограничников, либо они приблизятся на дистанцию уверенного выстрела. И ведь никакой возможности прикрыться щитами. Они у них пе-

хотные, громоздкие настолько, что место им только на дне лодки. И свободных рук, чтобы прикрыть товарищей, также не имеется.

Лодку, усилиями гребцов удерживаемую относительно берега на одном месте, постепенно сносило к свободному проходу стремнины и половцам. Еще немного, и можно будет, развернувшись, скользнуть в ревущую впадину между двумя подводными скалами. Вот только кто же даст им это время. Кочевники уже вскинули луки. Наверняка еще и об заклад побились, кто и куда вгонит стрелу.

И в этот момент наблюдавший за ними краем глаза Андрей увидел, как весь десяток вдруг повалился на траву. В некоторых из них он еще успел рассмотреть торчащие стрелы. И что бы это значило? Выжил кто-то из слободчан? Или из нижних слобод подошла подмога?

Но ответ нашелся довольно скоро. Едва расстреляв противника, из кустов выбежали лохматые образины. Не зная парнишка о том, что подобные одеяния используют для маскировки заставские, из которых в основном и набирают разведчиков и бойцов особой сотни, то, глядишь, еще и испугался бы, приняв их за каких-нибудь лешаков.

Пока остальные лохматые проводили контроль, один подошел к самой кромке воды и начал призывно махать. При этом он указывал на берег ниже по течению. Там оно, конечно, тоже быстрое, но вода куда спокойнее, чем вот на этом перекате. Сжавший губы в тонкую линию и напряженно

управляясь с рулевым веслом, десятник явственно кивнул, давая понять, что понял.

– Справа табань! – наконец отдал он приказ.

Андрей вогнал широкое весло в воду и начал грести в обратную сторону. Лодку развернуло на месте волчком.

– Всем грести! Быстрее, братцы! – вновь прозвучала команда.

Утлую посудину и так несло с большой скоростью, а тут еще и гребцы наддали. Так что над сходящимся и низвергающимся потоком они едва ли не взлетели, во всяком случае, прошли, едва касаясь днищем. А потом тяжелее погрузились в водный поток, на что лодка ответила угрожающим скрипом, но не развалилась и даже не выдала течь.

– Ну, в-вы и рисковые! – не скрывая своего восхищения, произнес подошедший к ним парень с измазанным сажей лицом.

– Служба такая, – просто ответил десятник.

– Не признал, Феодосий Дмитриевич?

– Да как тебя узнать, коли ты как пороса измазлся.

– Лука, десятник с Гранитной.

– Ага. Теперь узнаю. Спасибо, Лука. Выручили.

– Да какие мелочи, Феодосий Дмитриевич. Вы с чем на пороги-то сунулись?

– Полусотник велел вызнать, что со Средней и Нижней слободками.

– То же, что и с Верхней. Боняк, чтобы ему пусто было,

разом на три слободы обрушился. Так что нет волока. Если только на свой страх и риск да своими силами купцы захотят. Но то, что вас отправили, это хорошо.

– И чем же? – вздернул бровь десятник.

– Во-первых, у меня теперь голова не будет болеть, как передать весть воеводе. А во-вторых, мы с вами отправим нашу добычу. Страсть как не хочется терять добытое. Но и тащить с собой не с руки.

– И с чего ты взял, что нам это интересно?

– С того, что мне торговаться некогда. Сколько затребуете, столько и получите. Нам ведь или на ваши условия соглашаться, или все терять.

– Резонно. Но давай сначала ты скажешь, сколько готов уступить.

– Треть от всего, если доставите до заставы Немого.

– А чего же не половина?

– Того, что до Пограничного вы добычу все одно не доведете. Потому как ладья вас наверняка будет дожидаться на заставе. А Браин задарма приглядывать за чужим добром не станет.

– Чую, зубы сводит оттого, что приходится так-то щедро делиться.

– Ох, не дави на мозоль, Феодосий Дмитриевич. И так болит.

– Ладно. Уговорились. Ну чего встали, взяли лодочку и понесли, поди, казенная, за нее еще и ответ держать, – обра-

щаясь уже к своим подчиненным, приказал десятник.

Глава 2

Как аукнется...

– Докладывай, – встретил Михаил появившегося словно ниоткуда Луку.

Десятнику особой сотни всего-то девятнадцать, но возраст в данном случае обманчив. Да, молодой. Вот только палец такому в рот не клади, оттяпает всю руку. В это подразделение входят самые отчаянные сорвиголовы. В основном из заставских, но случаются среди них и городские.

На срочную службу восемнадцатилетние парни приходили уже со школой новиков за плечами. В линейном полку им оставалось притереться и поднабраться опыта. Причем в куда более жесткой манере. Тут спуска не давали. Потому что одно слабое звено могло погубить весь десяток. А то и сотню. Вот и злобствовали господа командиры. И вообще процесс боевой подготовки бесконечен, потому как нет предела совершенству.

Но случаются и такие сорвиголовы, которые уже через год службы могут заткнуть за пояс ветеранов. В буквальном смысле слова фанаты воинской науки, готовые отдаваться этому сутки напролет. Такие мечтают только об одном – оказаться в особой сотне.

Этим в границах городских стен пресно и скучно. Выть

на луну готовы. Едва вернутся из похода, как уже наутро начинают считать дни до выхода в степь. Обычно на наскоки половцев отвечали именно они. Провинится какой курень, и вокруг него начинает кружить сотня, то сходясь вместе, то действуя десятками по нескольким направлениям, нанося короткие жालящие удары.

Там прибрали охрану, присматривающую за стадом. Тут перебили охотников. Из ночи пустили стрелы, как говорится, на кого бог пошлет. Вырезали стражу на окраине стойбища. И даже лошади кочевников, которые по части сторожевой службы дадут фору собакам, пасуют перед их умением маскироваться и подкрадываться.

Однажды сотню все же зажали. На их счастье, случилось это в сушь середины лета. Ветер оказался благоприятным. С помощью зажигательных стрел пустили в сторону погони широкую огненную полосу пала. И сами спаслись, и показали половцам, что может быть и такая вот напасть. Тогда выгорела довольно большая площадь пастбищ. А при вдумчивом подходе можно ведь и куда больше бед наделать.

– Дядька Елисей... То есть сотник приказал передать, что охрану со стороны реки мы прибрали, – запнувшись, доложил Лука.

– Далеко еще? – уточнил Михаил.

– Километрах в двух этот подъем переламывается, а за ним сразу они и стоят, – указывая на угадывающийся в предрассветных сумерках склон, начал пояснять парень. – Если

бы не скорый рассвет, так зарево от костров было бы видно. По реке дальше. Придется заложить большую петлю.

Налаживая производство в мастерских, Михаил ощутил необходимость в стандартных мерах длины и весов. Поэтому, не мудрствуя лукаво, ввел в Пограничном десятичную систему. Бог весть насколько его сантиметры и граммы соответствовали таковым в прежнем мире, но здесь он отталкивался от своих эталонов, которые хранились в соборе святой Марии.

Романов и не думал таить все технологии подряд. Ему ведь не объять необъятное. Кое-что, ясное дело, скрывает. Но в общем и целом делится довольно щедро. Потому в Пограничном хватает учеников, присланных великим князем. Как есть уже и вернувшиеся домой мастера. Кроме того, Михаил активно торгует своей продукцией, успешно расходящейся по Руси и не только. А потому и система мер постепенно проникает в обиход русичей.

Соответственно и в школе учат тому же. Поначалу-то учителям и самим было тяжело перестраиваться. Не обладая абсолютной памятью Михаила, они как-то умудрялись оперировать и не путаться в существовавшей чехарде различных мер. А вот стройную, по мнению Романова, систему постигли с трудом.

Кроме того, он еще и привычные ему цифры ввел в обиход. К слову, в математических расчетах они были куда как проще. Когда еще местные дойдут до того, чтобы перенять

их у арабов. Михаил решил не ждать у моря погоды. Тем паче, что его здешнего века на это и не хватит. Зато жизнь упростил прямо здесь и сейчас. Относительно, конечно. Потому что для начала пришлось обучать учителей. Но результат уже был.

– Со стороны реки посты сняли? – поинтересовался Михаил у разведчика.

– Все сделали. Их место до поры заняли наши.

– Ясно. Вестовой.

– Я, воевода, – тут же отозвался один из сопровождавших его.

– Передай на корабли, чтобы поспешали, их уже встречают.

– Слушаюсь, – отворачивая коня круто вправо, ответил парень и пустился вскачь.

Михаил глянул влево на проезжающие колонны всадников. Вместе с линейным полком и заставскими семь сотен верхом на конях арабских кровей. Большая часть воев – призывники. Романов всегда предпочитал выкупать детей, вот они теперь и подрастали, пополняя ряды дружины.

Три года по призыву, а там на гражданку, поднимать, так сказать, народное хозяйство. Не всем это по нутру. Та же особая сотня сплошь из таких непосед. Но и среди воинов постоянного состава хватает лихих рубак. Иное дело, что не всех желающих оставляют служить. Хотеть мало, нужно еще и уметь.

На двух десятках колесных ладей находится шесть сотен ополчения при шестнадцати орудиях. Их собрали только для этого конкретного дела, практически оголив город. Нужно же показать великому хану Боняку, насколько он был неправ, решив пограбить три поселения на порогах Славутича.

Вообще-то там жили княжьи люди. Податей не платили. Мало того, в их поселениях еще и киевские дружинники стояли для обороны и охраны караванов. Начавший было хиреть торговый путь «из варяг в греки» за последние пару лет немного ожил. Слух пошел о том, что великий князь киевский Всеволод уговорился с половцами, поставил на реке укрепления и теперь путешествовать стало куда безопасней. Вот и потянулись купцы, приумножая киевскую казну.

Данное обстоятельство не понравилось новоявленному великому хану Боняку. Михаил так и не понял, чем была вызвана его стойкая ненависть к русичам. Но в набеги на Русь он хаживал чаще других. А в этот раз решил уничтожить поселения на волоке. Чем серьезно насолил великому князю.

Так вот. С одной стороны, не Романову спрашивать с хана за подобную выходку. Но с другой, наличие торгового маршрута – это путь к процветанию не только Руси в целом, но и его Пограничного в частности. Иными словами, задеты его жизненно важные интересы.

Даром, что ли, у впадения в Славутич реки Арель поставил заставу, где обосновался его верный друг Браин Ивер-

сен, прозванный Немым. Располагается она также на острове и служит местом стоянки для проходящих купеческих караванов. В основном движущихся вверх по течению. Вниз от Пограничного до Верхней слободы получается пробежаться за один день. Если, конечно, нет желания поторговать с половцами из орды Тераккана: летом они как раз откочевывают к югу.

Понятно, с целой ордой Михаилу не бодаться. Но Борис, ведавший службой безопасности, доподлинно знал место стоянки куреня великого хана. И тут уж одними жалящими ударами особой сотни никак не обойтись. Давненько они не учили уму-разуму беспокойных соседей. Пришла пора опять ударить кувалдой от всей широкой души. Так, чтобы глаза повыскакивали.

В курене Боняка, или, если быть точным, Боняккана, полторы тысячи воинов. Общее число людей переваливает за шесть тысяч. И это при том, что каждая половецкая женщина и девушка умеет пользоваться луком. Серьезная сила. Но на стороне Михаила были внезапность и огневая мощь...

Реку окутала предрассветная дымка. Солнечный диск уже показался на восходе, но на то, чтобы разогнать ее, требуется не менее получаса, которых у пограничников не было. Половецкий лагерь просыпался. Живущие скотом должны обихаживать животных, а иначе никак. Причем делать это следует спозаранку.

В сыром воздухе звук боевой трубы прозвучал особенно громко, предвещая беду. И тут же грохнул слитный залп из шестнадцати пушек. В небесах послышался нарастающий и грозный, свистящий шелест накатывающей тучи оперенной смерти.

– Целься! – сразу же после орудийного залпа послышалась команда полусотника. – Бей!

Андрей спустил тетиву, посылая стрелу по крутой траектории куда-то в белесое покрывало предрассветной дымки. В кого она попадет, он понятия не имел. Вскоре послышались болезненные вскрики, стенания, гневные и испуганные выкрики, женские завывания, полные боли и горя.

Массированный обстрел по площадям дело такое. Никогда не угадаешь, в кого прилетит пущенная тобою смерть: в воина, старика, женщину или ребенка. Парня успокаивало только одно, – была надежда, что именно его вестница попадет либо в воина либо никого не заденет. Узнать же это доподлинно ему не суждено: и в орудиях, и ополченцы, и их полусотня, которую уже не стали пересаживать на лошадей, использовали безликие стрелы из арсенала.

Четыре артиллерийских корабля вели огонь от левого берега, чтобы не оказаться под ударом половцев. Шестнадцать же судов с пехотой двинулись к правому. Все это время они пускали стрелы одну за другой. Посылали их в белый свет как в копейку, и что там с результатом – совершенно непонятно. Потому как над рекой Волчьей стоит один разноголо-

сый ор, переходящий в нескончаемый разъяренный гул.

Наконец суда ткнулись в прибрежный песок, и пехота начала десантироваться. Их полусотня управилась куда быстрее остальных. Да оно и понятно. Они сейчас проходят срочную службу, и гоняют их, что говорится, в хвост и в гриву. Ополченцев же собирают на учебу лишь время от времени, чтобы совсем уж не позабыли воинскую науку. Нормальный курс боевой подготовки прошла только молодежь, взрослые же подобной выучки не имели. Но все одно, в сравнении с княжеским ополчением выглядели более чем достойно.

Пехота успела сойти на берег и выстроиться в четыре линии, когда из предрассветной дымки появились разъяренные кочевники, бросившиеся защищать свои жилища. Многие полуголые, с мечами и щитами наперевес. Ошалелые, все еще не осознающие, что, собственно говоря, происходит, они были полны решимости покарать тех, кто посмел убить и ранить их близких.

И их было много. Очень много. При виде этой картины Андрей даже нервно сглотнул, крепче перехватывая короткое копье и щит. Казалось, эта людская волна готова сместь на своем пути любую преграду. Что их ничто не сможет остановить.

Парень почувствовал легкий толчок в плечо. Задрал накопчик копья вверх, сделал шаг вперед и вправо. В освободившийся проход тут же выскочил огнеметчик, приданный их полусотне. И такая картина повторилась по всей линии.

Кочевники были уже шагах в двадцати, когда по ним ударили струи жидкого пламени, прочертившие огненную полосу слева направо.

Грекову еще никогда не доводилось слышать таких истошных воплей. Это было настолько жутко и завораживающе, что он невольно передернул плечами от пробежавшей неприятной волны озноба. Человек, сгорающий заживо, — это поистине впечатляющее зрелище.

Пока огнеметчики возвращались за стену воинов, а вышедшие из строя занимали свои места, из задних рядов ударили арбалеты десятка поддержки. Короткие росчерки болтов скрылись в стене огня и черного едкого дыма.

Некоторые кочевники с ошалелым видом перепрыгивали через эту стену огня. Но только для того, чтобы тут же пасть от копий своих врагов. Кому-то удавалось отбивать первые выпады пограничников перед ними, но атаковать уже не получалось. Так как они неизменно падали под ударами справа.

Разумеется, не обошлось без обстрела со стороны половцев. Но пехота пережила его без труда и потерь: прилетающие из белесой дымки и черного дыма стрелы с тупым стуком втыкались в большие прямоугольные щиты или тихим шорохом входили в прибрежный песок.

Кочевники попытались ударить во фланг, чтобы опрокинуть продолжающую стоять на берегу пехоту. Но и тут потерпели неудачу, так как, помимо всего, прочего еще и подставились под картечь. В конце концов они, похоже, сообра-

зили, что их сила не в пешем бою, а в конном, и отхлынули обратно за все еще непроглядную завесу.

Наконец огонь практически прогорел, а пригревающее солнце сделало свое дело. Под его лучами дымка тумана начала расползаться, улучшая обзор. Пушкари внесли поправки в прицелы и теперь били по скапливающимся всадникам, готовящимся ударить по внезапно появившемуся врагу.

Раздался сигнал боевой трубы полковника Арсения. Вторя ей, пропели трубы сотников. Зазвучали команды полусотников. И строй пехоты монолитной стеной двинулся вперед, наваливаясь на стойбище неумолимым катком.

Проходя мимо все еще корчащегося обожженного воина, Андрей коротко ткнул его копьем, избавляя от мучений. Подобно ему действовали и другие. Милосердие? Ну, может, можно это назвать и так. Только пришли они сюда вовсе не с добром, а совсем даже наоборот.

– Разбиться на десятки! Арбалетчики, зачистка! Вперед не вырываться! Пошли!

Зазвучали команды полусотников. Вторя им, начали отдавать команды десятники. Пехота рассыпалась на группы и, держась довольно плотно, двинулась между юрт и кибиток. Внутрь не заглядывали, лишь неизменно добивали каждого оказавшегося на их пути, не делая никаких исключений.

Жилищами занимались арбалетчики. И нередко оттуда звучали умоляющие женские и даже детские крики. Уничтожался каждый способный держать в руках оружие, дабы ни-

кто не ударил в спину. Жестокая арифметика войны. Радовало только одно, – случалось это все же не так часто. Основная часть жителей ушла за пределы стойбища, спасаясь от массированного обстрела.

– Чего замер! – одернул десятник одного из ополченцев, остановившегося над убитым ребенком.

– Варежку закрой! – одергивает другой такого же слабо-нервного.

– Вперед! – понукает третий.

– Обходи кибитки, они не твоя забота! – командует четвертый...

Знал ли Михаил о том, что творится в стойбище? Да, знал. И ему было тошно от этого осознания. Но половцы так же брали на меч поселения, и там так же гибли мирные люди. Как аукнется, так и откликнется. Вот и весь сказ.

Он наблюдал за происходящим со стороны, вооружившись подзорной трубой и стараясь держаться отстраненно. Так, словно наблюдает все это в кино.

Артиллеристы продолжали собирать обильный кровавый урожай, засыпая мало-мальское скопление противника, били как дивизионом, так и побатарейно. И пока половцы не отделились от стойбища, спасения от их обстрела не было. Наконец кочевники перегруппировались и пошли в атаку.

Арсений вовремя сориентировался и подал сигнал. Полк тут же начал сбивать плотный строй посередине стойбища.

Ополченцы выстраивались в каре, оцетинившись копьями и готовясь драться в полном окружении.

Подали сигнал артиллеристам, и те внесли необходимые поправки в прицел. После чего встретили лаву на подходе. Причем получилось удачно. Всадники шли достаточно плотно, а пушкари успели наработать хорошие навыки обращения со своими грохочущими игрушками. Так что, успев дать два залпа, они ссадили несколько десятков воинов. Под кем-то просто убило лошадь, кого-то ранило, а кому-то не повезло основательно.

– Ну что, Гаврила, пора, – сложив подзорную трубу, решительно произнес Михаил.

– Пожалуй, воевода.

Пехота билась посреди лагеря, прикрываясь щитами, огрызаясь арбалетными болтами и поливая особо ретивых всадников жидким огнем. Кавалерия Михаила, обойдя холм, вышла прямо к скопившимся семьям сражающихся кочевников. Кто-то попытался оказать им сопротивление. Но это было настолько несерьезно и разрозненно, что не стоило брать в расчет. Несколько минут – и люди оказались сбиты в кучу и окружены вражеской кавалерией.

Вскоре весть о случившемся достигла сражающихся. Так и не управившиеся с пехотой половцы бросились к своим семьям. Правда, от атаки все же воздержались. Русичи уже показали, насколько они могут быть безжалостными. И проверять, поднимется ли у них рука на беззащитных, желания

не было категорически.

— Воины, если хотите, чтобы ваши семьи остались невредимыми, сложите оружие и слезайте с коней! Боняккан, выйди и встань передо мной! — выехав вперед и вооружившись рупором, распорядился Михаил.

На какое-то время среди кочевников воцарилась нерешительность. Но тут вперед выехал невысокий крепыш в полном воинском облачении. Ламеллярный доспех выделки пограничных мастеров, между прочим. Приблизившись к Михаилу, он ожег его ненавидящим взглядом, глянул за его спину. Кому-то там кивнул и спешился, бросив свое оружие в траву.

Сначала один, потом другой, по двое, по трое и целыми десятками воины спешивались и роняли оружие. После чего, подчиняясь приказам приблизившихся к ним воинов особой сотни, отходили в сторону. Где их брали под охрану. Сражение проиграно. И им остается лишь смиренно ожидать своей участи.

— Чего ты хочешь, русич? — дерзко спросил Боняк.

Понимает, что жизнь его висит на истончившемся волоске. Но ни во взгляде, ни в голосе нет и толики страха. Единственно, что чувствуется, это тревога за близких, которые вместе с остальными сейчас являются заложниками.

— Под копытами ваших лошадей обширная и богатая тучными пастбищами степь! Живите мирно, растите детей, выращивайте скот и дайте жить другим! Не ходите на Русь! Там

живет половецкая смерть! – громко прокричал Михаил, обращаясь к пленникам.

Повесил рупор на луку седла. Рука легла на гнутую рукоять изогнутого меча. Короткий шорох покидающего ножны клинка с утолщенной третью к острию. Сталь описала сверкнувшую в утреннем солнце дугу и обрушилась на голову хана, разваливая ее надвое вместе со шлемом. Все это заняло мгновение. Боняккан даже не успел понять, что, собственно, произошло. А над степью пронесся многотысячный тяжкий горестный вздох.

– Это черт знает что такое! Почему не согласовали со мной?! Что творит этот ваш пилигрим!? Тоже мне, нашелся вершитель судеб. Убил Мелик-шаха. Едва не лишил жизни Алексея Комнина. Собирался убить Олега Святославича. А Тугоркан! Если вы не в курсе, то былинный персонаж Тугарин Змей и есть половецкий хан. Один из видных политических и военных деятелей того времени. Я требую! Слышите, требую, чтобы вы немедленно вернули вашего посланца. Мы проработаем программу, проконсультируем его и забросим вновь. Только на этот раз наблюдение и сбор информации. Никакого вмешательства в исторические процессы. Вы слышите меня? И еще. Было бы неплохо, если бы он побольше проводил времени в окружении князей. Словом, мы проинструктируем его, и тогда все будет по-другому.

Вот уже десять часов, как Кудрявцев с двумя своими

помощниками изучает имеющиеся уникальные материалы. Нет. Не так. Они только просматривают выборку, составленную специально разработанной для этого программой. Но даже это приходится просматривать на перемотке. Слишком большой объем информации.

Для ученого историка это был по-настоящему кладезь информации. Уже имеющегося материала хватит на годы работы для целой бригады специалистов в этой области. Беда только в том, что многое было подано как-то разрозненно и бессистемно. А потому не отличалось полнотой данных.

И самое главное. Вместо изучения исторических процессов этот посланец принимал в них самое активное участие, походя меняя их. Конечно, сомнительно, чтобы ему удалось добиться глобальных изменений, старушка история не любит вмешательства. Так что сумеет нивелировать изменения и выйти на круги своя. В этом Анатолий Петрович был уверен. Но к чему гадить, когда можно действовать аккуратно.

– Успокойтесь, Анатолий Петрович. К чему так нервничать, – вздернув от удивления брови, произнес Щербаков.

– Я требую, чтобы вы немедленно вернули вашего посланца, – опершись кулаками о рабочий стол Макара Ефимовича, припечатал профессор истории.

– Боюсь, это невозможно. Мы не можем вернуть посланца. У нас только его телесная оболочка. Чтобы вернуться сюда, он должен погибнуть там.

– Хорошо. В таком случае я настаиваю на том, чтобы вы

скоординировали с ним его дальнейшие действия. Уже через час перед вами будет предварительный план, который мы доработаем уже к завтрашнему утру.

– И это невозможно, – прилагая усилия, чтобы сохранить самообладание, возразил руководитель проекта. – Связь односторонняя. Чтобы вы понимали: здесь он в коме только четвертые сутки, там уже прожил десять лет. Поэтому синхронизация невозможна в принципе. То есть пока мы с вами тут говорим, там уже прошло более трех суток, – разведя руками, произнес Щербаков.

– Что за ерунда. Он же здесь, в этом здании, в искусственной коме. Я требую...

– Вы не можете требовать невозможного. Вы вообще понимаете, что означает десинхронизация в девять веков? Боюсь, что нет.

– И что, совсем ничего нельзя сделать? – поинтересовался Кудрявцев.

– Совершенно. Просто принять сложившееся положение дел. И потом, пусть он повлияет на какие-то исторические процессы, ему не изменить быт, культуру и обычаи Руси. Сосредоточьтесь на этом. И вообще это не наше прошлое, а их настоящее. Михаил ничего не меняет. Он всего лишь пишет историю того мира вместе с его обитателями. Кто знает, быть может, и наш мир знал своих посланцев. Тот же Наполеон привнес столько нового, что остается только диву даваться. Но я обещаю. При следующем забросе мы постара-

емя учесть ваши пожелания.

– Анатолий Петрович, этот сумасброд казнил хана Боняка! – без стука влетел в кабинет один из помощников историка.

– Да что ты будешь делать! Уймите вы уже этого мясника! – вновь обернулся Кудрявцев к Щербакову.

Тот, в свою очередь, только развел руками. Мол, и рад бы, но не могу.

– Но можно же вывести его из комы, – нашелся Анатолий Петрович.

– И думать об этом не смейте! – всполошился Макар Ефимович. – Тогда мы здесь получим простой овощ. Что будет там, никому не известно. Может, сознание окончательно срастется с реципиентом. А может, тот попросту погибнет. Сознание же Романова всего лишь пополнит собой банк данных единого информационного поля Земли.

– Это черт знает что, – недовольно буркнул историк.

Толкнул дверь, едва не зашибив майора Кравцова, и, не поздоровавшись с ним, вышел из кабинета, сопровождаемый помощником, разделяющим его негодование. Фээсбэшнику оставалось лишь посторониться и проводить их ироничным взглядом. Впрочем, не будь он уверен, что останется незамеченным, то не позволил бы себе подобного.

– Здесь пронеслась буря? – входя в кабинет, поинтересовался майор.

– А вы откуда знаете, Сережа?

– Я знаю Анатолия Петровича. Человек сам себе на уме, живет в своем собственном мире.

– А нельзя было обойтись без этого индивида? – горестно вздохнул Щербаков.

– Тесть моего непосредственного начальника, – пожав плечами, произнес Кравцов.

– А он что, помешан на истории?

– Не то чтобы помешан. Но увлекается. И убежден, что за-
цикливаться только на одном едином информационном поле
Земли – большая ошибка.

– А вернее, любит тестя и готов ему потрафить. Или на-
ходится под каблучком у своей дражайшей супруги.

– Наше финансирование по большей части его заслуга.
Ладно, не обращайтесь внимания. Просто пропускайте все ми-
мо ушей и не обостряйте. Лучше скажите, как наши дела с
ЕИПЗ.

– Серьезно? Это еще кого-то интересует? – всплеснул ру-
ками профессор.

– Представляете, – нарочито произнес майор.

– Я...

– Макар Ефимович, может, позвать Анатолия Петрови-
ча? – оборвал его Кравцов.

– Зачем? – удивился Щербаков.

– Посмотрите на себя со стороны и поймете, как же с вами
порой бывает тяжело.

– Кхм. Уели, Сережа. Дела идут много лучше ожидае-

мого. Я это могу сказать даже на основе трех суток наблюдения. Расчет на большую разницу во времени себя полностью оправдывает. При подобном подходе ЕИПЗ раскрывается куда в более полной мере.

– А может, все дело в посланце?

– Возможно, и так. Одно скажу: огромный массив информации получает далеко не только тесть вашего начальника. Наши вычислительные мощности уже едва справляются.

– Обоснования для выделения новых фондов имеются?

– Завтра к утру я их представлю.

– Тогда не буду вам мешать.

Глава 3

Союзники

– Деда!

– Деда приехал!

– Дедуля!

Двое сыновей и старшая дочка с радостными криками выбежали встречать гостя, по обыкновению, раскрывшему им навстречу объятия и сграбастав всех разом.

– Хорошие мои, соскучились. А уж я-то как по вам скучаю.

Пока они обнимались, в зал вышла младшенькая Ефросинья, которой было неполных три года. Степенно прошествовав к стоящему на коленях дорогому гостю, она вперила в него строгий взгляд:

– ДлЯствуй, дедуска.

– Здравствуй, радость моя, – потянулся Тераккан к внучке.

– А иде бабуска? Поцему ты ее ни пивез? – отстранившись, строгим тоном поинтересовалась девчушка.

– Она не смогла приехать. Дома слишком много дел.

– У сех есть дедуски и бабуски, а у нас нету. Плохо, – со вздохом произнесла Ефросинья.

– Обещаю, что в следующий раз обязательно приеду вме-

сте с ней. Ну же, обними дедушку.

Девчушка вздохнула, словно хотела сказать, куда же тебе девать-то, подошла и обняла его, поцеловав в заросшую редкой бороденкой щеку. После чего деловито поинтересовалась, что им привез дед. Процесс раздачи подарков не затянулся надолго. Каждый из детей схватил свой, и, похваляясь им друг перед другом, они убежали в другую комнату.

– Здравствуй, отец, – наконец поздоровалась с ним Елена.

Как бы Тераккан ни любил дочь, внуки всегда и во все времена находятся на особом месте. Если детей родители воспитывают, чувствуя свою ответственность за их будущее, то внуков они просто любят. И те, осознавая это, отвечают искренней взаимностью. Ну и кого он должен был обнять в первую очередь?

– Здравствуй, дочка. Спасибо тебе за внуков. За то, что в них не угасает любовь к твоим родителям.

– Ты говори, да не заговаривайся, – хмыкнул Михаил, протягивая руку в приветствии. – У нас вся родня только со стороны Алии.

Поминая жену половецким именем, Романов вовсе не желал потрафить ее отцу. Ему нравилось это имя, которое очень шло его обладательнице. Отец Нестор поначалу пытался было возмущаться по этому поводу и указывать на подобное непотребство. Но Михаил только отмахивался, мол, супругу буду звать так, как моему сердцу хочется. А что до христианских ценностей, вон на всей Руси прозываются язы-

ческими именами, не поминая крестильных, а у него в Пограничном все иначе. Все зовутся только по-православному. Вот пусть он это себе в заслугу и ставит.

– Это хорошо, что ты родню не забываешь, – смерив зятя недовольным взглядом, все же пожал руку Тераккан.

– Чувствую, меня сейчас будут ругать, – расплылся в улыбке воевода.

– Нет, ну ты погляди на него. Он еще и веселится. Ты что творишь, Михаил? Ты хотя бы понимаешь, что разворошил осиное гнездо? Обе орды, которые возглавлял Боняккан, жаждут отправиться в поход на тебя. И я не смогу тебе помочь.

– И что, уже договорились, кто возглавит общее войско?

– Ирмаккан.

– И воины орды покойного Боняккана с этим согласны? Они готовы рискнуть сотней детей своих сородичей?

– Пока не договорились.

– Вот видишь.

– Но Ирмаккан может решить, что ему достанет и своих воинов. Выдвинется в поход, а там и некоторые куренные из орды Боняккана присоединятся. А если они вернутся с богатой добычей...

– Если, Тераккан. Если вернутся, – перебил его Михаил.

– Больше десяти тысяч воинов, – покачал головой тесть.

– И ты приехал, чтобы забрать дочь и внуков, пока здесь все не разрешится, – не спрашивая, а утверждая, произнес

Михаил.

– Если ты не будешь этому противиться, – не стал отнекиваться тот.

– И не подумаю. Алия сама решит, как ей быть.

– К чему эти разговоры, Миша. Хороша же я буду жена воеводы, если стану всякий раз бросать мужа и его людей, чтобы спрятаться под крылом отца, – возмутилась молодая женщина.

В ответ на это Романов лишь развел руками, мол, говорить больше не о чем. Тераккан внимательно посмотрел на свою дочь и тяжело вздохнул, принимая ее решение. Времена, когда она была подвластна его воле, миновали. Теперь она ушла в род своего мужа и принадлежит только ему. И пусть тот круглый сирота, это ни о чем не говорит.

– Ты приехал, только чтобы сообщить мне о том, что мне следует ожидать незваных гостей? – поинтересовался Романов.

– Не только. Я привел караван с шерстью.

Михаил наладил в Пограничном ткацкое дело. Но не стал связываться с растительной пряжей, сосредоточившись на шерсти. На его взгляд, первое и наиболее важное в добрососедских отношениях это взаимная выгода. Поэтому они покупали у орды Тераккана овечью и верблюжью шерсть и шкуры. Как результат – ткачество, валяние войлока и выделка кож вышли в ряд важных отраслей.

Кожевенные мастерские устроили за пределами города,

занимавшего теперь весь остров. Уж больно вонючее производство. Metallургический комплекс и тот оставался в пределах стен. Там всего-то копать и грохот железа. Да и то проблема решалась благодаря высоким заборам и дымовым трубам. С миазмами такой номер не прошел бы.

Шерсть кочевники поставляли уже очищенную и подготовленную к переработке в пряжу. Признаться, сырья получалось слишком много. Романов оказался не так уж грамотен в механике, чтобы создать прядильную машину. Три года назад пригласил из Царьграда одного специалиста.

Обозначил задачу, помог, чем смог. И тот в течение полугода выдал готовый образец механической прялки. Оно, конечно, самая обычная, бытовая, каковые Романов видел в музеях да фильмах. Но даже она повысила производительность в разы. Правда, все одно недостаточно. Аппетит-то, он приходит во время еды. Опять же поставки сырья год от года растут. Вот и продолжает грек мудрить над прядильной машиной.

Зато с ткацким станком никаких проблем. Здесь у них получилось все очень быстро. Даже придумали механизм, позволяющий с легкостью перебрасывать шпульку. Да еще и ширина полотна хоть в несколько метров, что очень полезно при изготовлении той же парусины. Производительность получилась такая, что из-за нехватки пряжи из трех этажей фабрики сейчас используется только один.

Шерсть в основном хранится на складах. Ее попросту не

успевают перерабатывать. И вот привезли еще. Благо помещений пока хватает. Но долго это продолжаться не может. И прекращать закупки у кочевников нельзя. Уж это-то точно не будет способствовать упрочению связей.

Кроме того, половцы взялись разводить мулов. Не сказать, что они им нравились. Тупиковая ветвь. Ни лошадь, ни осел. Но животные у них получались крепкие и сильные. Племенное поголовье закупали или захватывали в набегах. И ясное дело, не на Руси.

Не пользовались ослы у русичей любовью, что тут еще сказать. Да и мулов они не воспринимали всерьез. Пограничное в этом плане было исключением. Правда, постепенно ситуация менялась. Этот гибрид вобрал в себя лучшее от двоих своих родителей, был неприхотлив в уходе, значительно меньше восприимчив к болячкам и являлся настоящим долгожителем.

Вывести бы породу русского тяжеловоза. Их получили вроде как путем скрещивания крупных европейских тяжеловозов с потомками арабских лошадей. Исходник есть. Но имеется и проблема, – дело это не одного десятилетия. Так что с кочевниками по этому поводу не договориться. Они в принципе не загадывают на такую дальнюю перспективу. А было бы неплохо. Уж кто-кто, а они-то толк в уходе за животными знают.

– Шерсть это хорошо. Но как вы успели переработать всю весеннюю стрижку? – удивился Михаил.

При этих словах тесть отвел взгляд, словно осматривая интерьер дома. И Романов понял, что обычно несильно поспешавшие с этим делом кочевники напряглись, чтобы успеть сбыть товар до того, как потенциальный покупатель будет разбит Ирмакканом. Ну а тесть заодно хотел вывезти дочь и внуков.

– Если ты так не веришь в то, что я могу выстоять, так отчего же не поможешь? – подначил его Михаил.

– Как я могу тебе помочь? Повести своих воинов войной на свой народ? Это вы можете воевать друг с другом. У вас брат может поднять руку на брата. У нас все иначе.

– У вас тоже далеко не все гладко. Уж кому это знать, как не мне. Но сделай одолжение, Тераккан, не оскорбляй меня своим сомнением в моей разумности.

– То есть то, что случилось, ты называешь разумным? – вскинулся тесть.

– Конечно. Разве вам мало степей, которые вы отвоевали у печенегов? Ваши стада год от года все тучнее. Ваши юрты и шатры наполнены достатком и детским смехом. У вас никто не оспаривает эти земли. Но некоторые из вас отчего-то решили, что русичи должны половцам, и с каждым годом этот долг только растет. Пока Боняккан ходил в набеги на другие земли, это была не моя проблема. Но он решил ударить по порогам. А вот это уже больно и затрагивает мои интересы. Пограничное живет и развивается торговлей. И я никому не спущу посягательство на безопасность путешествия по Сла-

вутичу.

– А силенок-то хватит?

– Ты уже не в первый раз сомневаешься в моих силах. Но прежние попытки моих недругов разбились в прах. Ничего не получится и сейчас. Мало того, курени, которые отправят против меня воинов, ждет тяжелая зима. Очень тяжелая.

– Если ты выжжешь степь, то озлобишь все орды. Никто еще не забыл того, что сделали твои воины два лета назад.

– Выгорят пастбища только тех, кто решит прийти к нам с мечом. Можешь передать это любопытным. И еще скажи им, что стены города им не взять ни теплым летом, ни студеной зимой.

Вот уж во что не поверит Ирмаккан, так это в неприступность Пограничного. Сколько бы ни твердили о мощных каменных стенах, он точно знал, где его ахиллсова пята и куда бить. Ну или думал, что знает. Так. Небольшая дезинформация на случай, если не сработает план А и придется браться за вариант Б.

– А откуда ты узнаешь, кто пошлет воинов и где чьи уголья? – усомнился Тераккан.

– Границы кочевий я уже знаю. Как и предполагаемые места стойбищ. А иначе как бы я напал на стойбище Боняккана в такой короткий срок? Остается узнать, кто именно совершит глупость.

– Если придут воины из орды Боняккана, ты убьешь заложников?

– Если сюда придут их родители, дядья и братья, хотя бы один из этого куреня, я их убью. Эти мои слова ты также можешь передать.

– А если их не будет среди напавших?

– Об этом я уже говорил. Мы будем растить заложников наравне с другими воспитанниками, не делая меж ними различий. Единственное, чего они будут лишены, это возможности навестить родное стойбище. Но родители смогут навещать их здесь, в Пограничном. Когда они вырастут, вернутся домой, а их место займут другие дети.

Убив хана, Михаил ограбил стойбище. Отобрал сотню мальчишек в возрасте от шести до десяти лет в качестве заложников. Получилось по одному ребенку от каждой семьи, и отправился в обратный путь. Имея такой щит, он не больно-то опасался нападения. И его расчет оказался верным.

Романов решил пересмотреть свою демографическую политику, отказавшись от ассимиляции половецких детей. Если переусердствовать, то эдак не растворишь их в себе, а сам растворишься. Но и не думал отказываться от завязывания все более глубоких отношений с половцами.

Поэтому в Пограничном и действовал весьма крупный интернат для мальчиков. Причем построен с запасом. Так, чтобы там одновременно могли проживать не менее тысячи учеников. До этого момента там обучались только дети родителей, отдавших их на учебу добровольно. Половцы, конечно, кочевники, но не дураки. Среди них хватает тех, кто

знает цену наукам.

За пять лет существования интерната там впервые появились заложники. И все было за то, что это станет обычной практикой. Их быт ничем не отличался от обычных воспитанников. Им предстояло просто жить, расти, учиться и общаться со своими сверстниками из русичей. Дружить, ссориться, драться в кровь, клясться в вечной дружбе или ненависти. Все как всегда и бывает у детворы.

Народная дипломатия в действии. Ну, разве только в более упорядоченном варианте. И да, пока все лишь в самом зачаточном состоянии. Но Михаил делал на это серьезную ставку в перспективе. Руси долго еще жить по соседству с половецкой степью. И Романов надеялся, что это начало будущего добрососедского сосуществования.

Во всяком случае, ему этот путь виделся куда более продуктивным, чем ставка на голую силу и страх. Хотя и миндальничать он не собирался. На каждый выпад готов был ответить болезненным ударом. Потому и интернат строил с запасом. Так, чтобы хватило места для будущих заложников. В ближайшие пару десятков лет на спокойную жизнь он не рассчитывал.

Тераккан провел в Пограничном три дня. За это время он не раз поднимал тему о своем намерении увезти дочь и внуков. Но всякий раз натывался на стену непонимания. В результате, закончив торговые дела и исчерпав все свое красноречие, он уехал ни с чем.

А еще три дня спустя к Пограничному подошла армия великого князя. Ну, как подошла... Михаил встретил подмогу километрах в десяти от города у языка леса, подходящего к самому берегу Славутича. Из него вытекала небольшая река, которая вполне была в состоянии принять часть флотилии. Вторую половину можно было укрыть в густых зарослях камыша.

Как и предполагал Романов, армию привел старший сын великого князя Владимир Мономах. Этот тридцатипятилетний мужчина был самым опытным военачальником современной Руси. Соперничать с ним мог лишь Олег Святославич.

Кстати, Михаил даже не подозревал, что они кумовья. Олег крестил двоих сыновей Владимира. Мало того, в молодости эти двое были закадычными друзьями, вместе постигали воинскую науку и вдвоем отправились в первый серьезный поход в помощь полякам против чехов. Но потом судьба развела их по разные стороны, сделав непримиримыми врагами.

Хм. Вообще-то насчет непримиримости все неоднозначно. Все услышанное Романовым о Мономахе было за то, что он-то как раз может и простить, и забыть, и опять пустить в сердце. Не из возможной выгоды, а по велению души.

– Опять не пускаешь войско в город? – прищурившись, поинтересовался крупный мужчина с окладистой бородой, восседающий на крепком боевом коне.

— А что твоим воинам делать в городе? Они прибыли сюда по харчевням тереться или воевать половцев? — с самым невинным видом произнес Михаил.

Это не первая их встреча с князем. За прошедшие годы им довелось пообщаться, и не раз. Романов даже ездил к нему в Чернигов. Не погостить, конечно. Кто он, чтобы его привечали гостем. Катался по делам. Помогал обустройства печи для обжига цемента. Материал поистине революционный, на порядок сокращающий сроки строительства. Позволяющий использовать как другие материалы, так и новые технологии.

Вообще-то Михаилу не было нужды самолично кататься туда для налаживания производства. Да и после, когда обустроивали иные мастерские, его присутствие не требовалось. Ездил он туда именно из-за Мономаха. Пытался понять, что это за человек и правитель.

Кстати, князь Владимир ни разу не был белоручкой и с удовольствием постигал ремесла. Не боялся запачкать руки глиной или копотью кузнечного горна. Не стеснялся вычесывать из густой шевелюры древесную стружку. Питался без изысков, будучи простым в обхождении. Постоянно проявлял заботу о людях, хотя и обладал при этом весьма жестким характером.

Собственно, именно поэтому Михаилу и удалось наладить с ним контакт. И с каждым днем он все больше понимал, что если уж на кого и делать ставку, так только на него. Вот и старался всячески сблизиться.

Зачем ему это? Просто в какой-то момент он вдруг понял, что с каждым разом все глубже связывает себя с этим миром, воспринимая его как свой родной. И понимание того, что эта земля впоследствии будет разорена татаро-монгольским нашествием, настроение не улучшало. Ему хотелось хоть как-то повлиять на ситуацию, чтобы к моменту прихода Батыя перед ним оказались не разрозненные русские княжества, а крепкое и единое государство.

Конечно, был шанс, что у него ничего не получится. Что все его усилия уйдут как вода в песок. Присутствовали и сомнения, ибо кто он такой, чтобы творить историю. Но у него уже есть дети и будут потомки, ради счастья которых стоит попытаться что-то изменить. А еще он не боялся все испортить. Если удастся задуманное, Батый умрет. Не удастся, значит, ничего не изменится. Только и всего.

– Что-то в этот раз не видно столов и навесов. Может, объяснишь, воевода? – продолжал интересоваться Мономах.

– Половцы в дневном конном переходе от нас. Мои разведчики, понятное дело, постараются перехватить всех вражеских лазутчиков, но и кочевники ведь не пальцем деланы. А ну как узнают, что прибыла подмога.

– За Ирмакканом, стало быть, присматриваешь, – спешиваясь, поинтересовался князь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.